

каз» он вычёркивает: «Я налил ей белого вина в вагонный стакан с голубой надписью „Одоль“».

Литература о любви, высоко и прекрасно чувстве, дарованном человеку, неисчерпаема. Если обратиться к мировой литературе всех времён, то убедись, что некоторые прекрасные произведения написаны главным образом о несчастной любви. И. А. Бунин много писал о любви. Обманутая любовь — одна из постоянных тем Бунина, она есть и в рассказах «Сны Чанга», «Кавказ», «При дороге» и др. Сила воображения писателя рисовала ему сложные столкновения характеров, оригинальные сюжеты произведений.

Критика часто отмечала влияние Чехова на Бунина. Сближали их «выдумывание жизненных подробностей». Они часто беседовали об этом. В открытии таких ценных для писателя находок Бунин достиг высокого совершенства. Чехов угадал в Буине большого художника с редкой памятью и зорким глазом, схватывавшим жизненные чёрточки, умевшим видеть и наблюдать жизнь.

Нет сомнения в том, что Бунин заслужил признание как даровитый художник слова, писатель, который умел передать тончайшие чувства человека, как наблюдатель жизни, обладавший острейшей зоркостью глаза.

По книге Л. Никулина «Чехов, Бунин, Куприн»

1. Что вы знаете о жизни и творчестве И. А. Бунина? Как проходило его детство? Кто, по словам писателя, оказал на него особенно благотворное влияние?
2. Что вы можете рассказать о творческой лаборатории писателя?
3. Какие произведения И. А. Бунина были прочитаны вами в классе и самостоятельно? Какое впечатление произвели на вас рассказы «Косцы» и «Цифры»? Расскажите об одном из героев рассказа «Цифры».
4. Используя статьи учебника (раздел «Литературные места России») и ресурсы Интернета, подготовьте заочную экскурсию в музей И. А. Бунина в Орле.

Кавказ

Приехав в Москву, я воровски остановился в незаметных номерах в переулке возле Арбата и жил томительно, затворником — от свидания до свидания с нею. Была она у меня за эти дни всего три раза и каждый раз входила поспешно, со словами:

— Я только на одну минуту...

Она была бледна прекрасной бледностью любящей взволнованной женщины, голос у неё срывался, и то, как она, бросив куда попало зонтик, спешила поднять вувальку и обнять меня, потрясало меня жалостью и восторгом.

— Мне кажется, — говорила она, — что он что-то позревает, что он даже знает что-то, — может быть, прочитал какое-нибудь ваше письмо, подобрал ключ к моему столу... Я думаю, что он на всё способен при его жестокости, самолюбивом характере. Раз он мне прямо сказал: «Я ни перед чем не остановлюсь, защищая свою честь, честь мужа и офицера!» Теперь он почему-то следит буквально за каждым моим шагом, и, чтобы наш план удался, я должна быть страшно осторожна. Он уже согласен отпустить меня, так внушила я ему, что умру, если не увижу юга, моря, но, ради Бога, будьте терпеливы!

План наш был дерзок: уехать в одном и том же поезде на кавказское побережье и прожить там в каком-нибудь совсем диком месте три-четыре недели. Я знал это побережье, жил когда-то некоторое время возле Сочи, — молодой, одинокий, — на всю жизнь запомнил те осенние вечера среди чёрных кипарисов, у холодных серых волн... И она бледнела, когда я говорил: «А теперь я там буду с тобой, в горных джунглях, у тропического моря...» В осуществление нашего плана мы не верили до последней минуты — слишком великим счастьем казалось нам это.

В Москве шли холодные дожди, похоже было на то, что лето уже прошло и не вернётся, было грязно, сумрачно, улицы мокро и чёрно блестя раскрытыми зонтиками прохожих и поднятыми, дрожащими на бегу верхами извозничьих пролёток. И был тёмный, отвратительный вечер, когда я ехал на вокзал, всё внутри у меня замирало от тревоги и холода. По вокзалу и по платформе я пробежал бегом, нагнув на глаза шляпу и уткнув лицо в воротник пальто.

В маленьком купе первого класса, которое я заказал заранее, шумно лил дождь по крыше. Я немедленно опустил оконную занавеску и, как только носильщик, обтирая мокрую руку о свой белый фартук, взял на чай и вышел, на замок запер дверь. Потом чуть приоткрыл занавеску и замер, не сводя глаз с разнообразной толпы, взад